

Спутник и Погром - Геббельс
nopaywall

<https://t.me/nopaywall>

Нацистский режим одним словом? Геббельс. Несмотря на все магнетические речи Гитлера, его способности к интригам и неожиданным решениям, наци никогда не стали бы тем, чем стали без пропаганды. Иногда Геббельс сам не верил в то, что говорил. Зато верили остальные. По собственным словам доктора Йозефа, «после долгой тьмы легко принять за солнце и керосиновую лампу».

Невероятная история жизни Йозефа Геббельса, рассказанная им самим

Геббельс родился в Рейдте, земля Рейнланд, в 1897 году. Со здоровьем не задалось сразу. В четыре года ко всему добавился остеомиелит. После операции на бедре (удаляли воспалившийся костный мозг) левая нога у Йозефа стала короче правой на четыре дюйма и высохла. На детских фотографиях доктор — худой ребенок с несоразмерно большой головой. Несчастное детство стало фундаментом его личности, как добавив комплексов, так и научив многим необходимым вещам.

Неспособный участвовать наравне со сверстниками в подвижных играх и потому ими осмеиваемый, Геббельс решил доказать миру свое интеллектуальное превосходство. Надо сказать, что путь он выбрал не самый прямой, начав унижать соседских ребят. Йозефа вполне справедливо считали заносчивым и неуживчивым. Взрослые большого ребенка жалели, но это Геббельса злило. Через детские воспоминания Геббельса красной нитью проходит одна мысль: бежать из родного города.

Бликие отношения у Йозефа сложились только с матерью. Фрау Геббельс искренне считала, что у сына большой талант и недюжинные интеллектуальные способности. Она покупала ему множество книг. Более всего Геббельс любил античный эпос: «Илиаду», «Одиссею», «Энеиду», с героями которых отождествлял себя. Истовая католичка Мария Геббельс решила, что маленький Йозеф со временем обязательно станет епископом, а то и кардиналом.

Мать мальчика завязала дружбу с одним из руководителей Католического общества Альберта Великого. Эта встреча определила будущее Геббельса. Хотя Йозеф произвел огромное впечатление на священника, беседу падре закончил фразой: «Вы не верите в Бога, молодой человек». Несмотря на это пастор отметил высокие интеллектуальные способности юноши и согласился оплатить первые два года обучения в университете из кассы общества.

Когда Геббельс оказался в выпускном классе гимназии, началась Великая война. Как и многие другие юноши, Йозеф попытался записаться добровольцем. Врач даже осмотрел его, но, разумеется, признал негодным к воинской службе. Вернувшись домой с призывного пункта, Геббельс прорыдал всю ночь. Детство закончилось.

Впрочем, практически все, что мы знаем о юных годах Геббельса — рассказы самого доктора. Правда это или образ? Уже не узнать.

Его институты

В Европе в порядке вещей менять университеты в процессе обучения, но Геббельс выделялся даже в этом, нигде не задерживаясь дольше, чем на полгода. Поступив в университет в Бонне, он сменил семь *alma mater*, в итоге оказавшись в Гейдельберге. Напрашивается образ молодого интеллектуала, гонимого за свободомыслие, но студент попросту не знал, чего хочет. Философия, история, литература, культурология.

«Я слишком ленив и слишком глуп для одной дисциплины. Я хочу стать мужчиной. Я хочу стать великой личностью».

В 1918 году война заканчивается. Для Геббельса, как и для многих других немцев — совершенно неожиданно. Еще в начале года казалось, что до победы рукой подать. Университеты, куда по льготе принимали демобилизовавшихся солдат, быстро превращались в рассадники радикализма. Студенчество бурлило, создавая на каждой кафедре свои фракции: националисты, консерваторы, левые радикалы, даже небольшое число сторонников Веймарской республики. Инфляция только усугубляла положение. Геббельс и так небогат, весь его капитал — небольшие переводы от матери. После обесценивания марки он становится совершенно нищим и редко может поесть больше одного раза в день.

В университете его зовут Савонаролой. Худоба, показной аскетизм, хромая нога. Сам он не врет об увечье, но поощряет слухи о фронтовом ранении. Йозеф уже тогда стал фанатиком — но не политическим, как большинство сверстников, а литературным. Да, начинал Геббельс как член кружка, изучавшего немецкий романтизм, а не расовую антропологию.

Примерно тогда же Йозеф переживает первую любовь. Причина разрыва, по словам самого Геббельса, — негодяй с толстым кошельком. Впрочем, Анку Гельгорн он не забывает — позже она разойдется с мужем, и бывший поклонник устроит её в министерство пропаганды.

Из немногих тогдашних знакомств молодого Йозефа гораздо важнее другое — с Рихардом Флисгесом. Флисгес — ветеран войны, отмеченный многими наградами. Единственная его страсть — политика. Именно он вводит Геббельса в мир идеологий, дает приятелю полистать «Гражданскую войну во Франции» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Нетрудно догадаться, что Флисгес — коммунист. Его влияние, вернее, влияние Вальера Ратенау, немецкого философа, которого Флисгес пересказывал Геббельсу, чувствуется в мировоззрении доктора еще очень долго.

Вскоре Геббельс и сам решает стать политическим публицистом. Он отправляет около пятидесяти статей в любимую им «Берлинер тагеблатт». Все отвергнуты. Кроме классиков марксизма Флисгес одалживает Геббельсу несколько книг Достоевского. Больше всего Йозефа поражают «Бесы». Об отношениях Ставрогина и Верховенского он много пишет в своих дневниках, эта тема занимает его на несколько месяцев.

Постепенно Геббельс отдаляется от первого учителя, отношения дают трещину. Но вскоре находится новый кумир.

В 1922-м Геббельс перебирается в Мюнхен. В Мюнхенском университете он отучился один семестр, постоянно посещая встречи художников и литераторов в Швабинге и мечтая стать в этом кругу своим. Но теперь Йозефа влечет не богема: его уже не привлекают утонченные декаденты, он проводит время с парнями из фрайкоров. Геббельс завидует им — боевому прошлому, атмосфере грубой силы, царившей на собраниях.

Кто-то из фрайкоровцев и предложил ему однажды сходить в «Кроне-цирк», послушать оратора от одной из множества националистических партий. Зал забит полностью — на

сборище пришли восемь тысяч человек из полумиллионного населения Мюнхена. Духота, все внимание направлено на сцену. Там стоит человек, лица не разглядеть из-за софитов. Через несколько минут толпа приходит в восторг. Люди галдят и потрясают кулаками. Геббельса бросает то в жар, то в холод — в конце концов он не выдерживает и кричит, с удивлением обнаружив, что многие кричат вместе с ним. На выходе из зала Йозеф пишет заявление о вступлении в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию. Это ее лидер выступал в «Кроне-цирке» — некий Адольф Гитлер. Заявление зарегистрировано под номером 8762.

На службе силы зла

Вскоре Геббельсу представилась возможность послужить на благо партии: 11 января 1923 французы оккупируют Рур из-за невыплаты Германией репараций. Рейхпрезидент Фридрих Эбберт, член социал-демократической партии, призывает страну к бескровному сопротивлению. Рур встает в огромной забастовке. В попытке преодолеть убытки Берлин запускает печатный станок и окончательно добивает марку.

Немецкая пропаганда подливает масла в огонь: «французские офицеры избивают немецких рабочих, французские негры насилуют немок». Часть мюнхенских фрайкоровцев решает устроить в Рурском бассейне не пассивное, а активное сопротивление. Хайнц Хауэнштайн и Ганс Хайн, люди из верхушки организации, отправляются в Рур. Поддержку на месте обеспечивают Карл Кауфман и Эрих Кох.

ХАЙНЦ ХАУЭНШТАЙН, ГЛАВА ФРАЙКОРА «ОРГАНИЗАЦИЯ

ХАЙНЦ»

Тем временем Геббельс возвращается домой, в Рейдт. Он снова живет в своей детской комнате, почти непрерывно ругается с семьей. Сестра попрекает Йозефа тем, что все сбережения Геббельсов уходили на его учебу, а он так и не удосужился найти работу. Эти обвинения Йозеф считает надуманными: он ведь работает, да еще как — ночи напролет составляет нацистские прокламации.

Узнав о прибытии фрайковцев в Рур, Геббельс сразу же срывается с места. Мать отдает ему все оставшиеся деньги. На вокзале в Эльберфельде Йозефа встречают нацисты. Бывшие фронтовики, герои войны, они откровенно над ним потешаются: говорят, что увечный в случае чего не сможет даже убежать.

Вскоре в Руре разворачивается диверсионная война. Правые убивают офицеров, нападают на патрули, взрывают железнодорожные составы. Во время одной из акций по подрыву железнодорожного полотна в руки французов попадает Лео Шлагетер, активист эссенского отделения НСДАП.

На следствии Шлагетер раскалывается, сдав всех соратников. Бесплезно: 26 мая 1923 года Шлагетера расстреливают. Перед этим он передает французам списки участников рурского сопротивления и доказательства финансовой помощи со стороны крупных промышленников Германии. Это — вкпе с растущей инфляцией — вынуждает немецкое правительство уйти в отставку. Новый кабинет бросает Рур.

А Геббельс нашел свое призвание — он колесит по неоккупированной части долины Рейна, выступая в пивных перед группами в 10–15 человек. Главным героем его проповедей становится Шлагетер — Геббельс (какой характерный жест!) сделал из предателя героя, без колебаний пошедшего на смерть за идею. Оратор не забывает и о себе. В речах Геббельс становится активным участником сопротивления: он создавал подпольные ячейки, его избивали и угрожали смертью, а Рур он покинул из-за еврейских козней. Другие старые нацисты потом будут то и дело вспоминать эти рассказы, доводя доктора до белого каления саркастическими комментариями.

«Битва за Рур» кончилась, но Геббельс не хочет возвращаться домой.

Он останавливается то у одного, то у другого приятеля. Нет работы, и Йозеф подолгу голодает. Пытается что-то писать, но не может опубликовать ни строчки.

Зато Гитлер проводил это время с пользой: 9 ноября нацисты устроили в Мюнхене знаменитый «Пивной путч». Дневниковые записи Геббельса за эти дни полны обиды и сожаления — он опять не поучаствовал в историческом событии. Что касается нацистов, то они получили больше пользы от последующего суда, чем от путча. Гитлер превратил суд в трибуну, и тогда Геббельс окончательно убедился, что связал свою жизнь с правильным человеком. Он даже написал фюреру полное обожания письмо, копию с которого печатал в газетах спустя несколько лет.

Маятник, или от Христа до «мелкого буржуа» и обратно

Пока Гитлер сидел в тюрьме, для НСДАП наступили тяжелые времена. Президентом избрали Гинденбурга, обладавшего полным доверием нации, партия дробилась на фракции. Благодаря реформам Ялмара Шахта проклятая Веймарская республика никак не желала умирать, постепенно преодолевая коллапс в экономике. На выборах 1924-го нацисты получили только девять мест.

Геббельс потерял работу — партия просто не могла оплачивать его услуги. И в этот момент Йозефу повезло встретить Франца Вигерсхауса, депутата рейхстага. Он предложил Геббельсу пост редактора газеты «Фелькише фрайхайт», «Народная свобода», еженедельно выходившей в городе Эльберфельд. Платили 100 новых марок в месяц, около 24 долларов. Кроме редактирования газеты Геббельс писал речи и выступления для Вигерсхауса. Содержание речей в основном сводилось к тому, что у некоторых партий и фракций нет будущего. В том числе и у партии нацистов. Разумеется, сто марок и провинциальная газета не могли удовлетворить амбиций Геббельса. И тут ему повезло вновь. Какую-то из его речей пришел послушать Грегор Штрассер, член НСДАП с 1920 года и один из главных соперников Гитлера в борьбе за единоличное лидерство в партии. Увидев Грегора в зале, Геббельс заволновался, — один из ведущих функционеров будет слушать поток грязи в адрес нацистов! Но Штрассер осознал потенциал доктора. Поблагодарив Геббельса за речь, нацист отметил выдающиеся ораторские способности бывшего (и будущего) соратника.

ГРЕГОР ШТРАССЕР, ГЛАВНЫЙ СОПЕРНИК ГИТЛЕРА В БОРЬБЕ ЗА ЛИДЕРСТВО В НСДАП

Уже вскоре им представилась возможность поработать вместе. Гитлера амнистировали через неделю после этой встречи. Со Штрассером в феврале 1925-го они заключили своего рода джентльменское соглашение: Георг уступает Гитлеру пост вождя, а в обмен фюрер признает за Грегором и его братом Отто автономию в партийных делах на севере Германии, сам занимаясь югом. Север был очень важен для нацистов: партия постепенно выходила на общегерманский уровень, а на промышленном севере Германии Штрассер мог потеснить коммунистов и социал-демократов своей левой риторикой.

Штрассеру понадобился новый помощник. Его прежний секретарь, некто Генрих Гиммлер, охладел к нацизму, вложился в птицефабрику и занимался только ей. Штрассер вспомнил про Геббельса.

Он предложил Йозефу организовывать работу партии в Вестфалии, обещав большую свободу действий. Геббельс был в восторге — он немедленно бросил работу у Вигерсхауса, ничего не объяснив патрону.

На новой должности Йозеф занимается в основном публичными выступлениями, ограняя талант оратора и режиссера массовых мероприятий. Нацисты начали выпуск информационных бюллетеней, первыми из которых стали вышедшие 1 ноября 1925 года «Письма национал-социалиста». Именно в своих поездках по Северному Рейнланду Геббельс выводит простую формулу: важно не содержание речи, а контакт с аудиторией. Митинг должен не информировать, а ошеломить и запомниться.

После первых номеров читатели приняли Геббельса за тайного коммуниста. Такого же мнения придерживалась и партийная верхушка в Мюнхене. После речи «Ленин или Гитлер?», где Геббельс пел осанну большевизму, мюнхенцы потребовали от Штрассера осадить своего чересчур революционного помощника. Геббельс обиделся и с тех пор называл партийных бонз «мюнхенской кликой».

Весьма занятен ход его мыслей в то время, подробно изложенный в дневниках. Гитлера он называет «то ли Христом, то ли Иоанном» (имеется в виду Иоанн Богослов), постоянно жалуясь, что в окружение к великому человеку пробилась бездари и мерзавцы, не верящие в социализм. Йозеф только укрепился в этом мнении в 1926-м, когда партия чуть не раскололась.

Коммунисты и социал-демократы продавили плебисцит об экспроприации. Немецкий переворот делали куда более гуманные люди, чем русский, и Гогенцоллерны сохранили не только жизнь, но и обширное недвижимое имущество. Именно его сейчас и предлагали изъять в пользу казны. Геббельс и Штрассер планировали поддержать экспроприацию, но Гитлер к тому времени уже нашел спонсоров среди представителей свергнутого дома.

Партийцы северных регионов планировали внести изменения в устав и отстранить Гитлера от руководства. Именно тогда Геббельс и требовал исключить фюрера

из партии как мелкого буржуа. Чувствуя, что партия выходит из-под контроля, Гитлер назначил совещание в Бамберге на 12 февраля — туда, разумеется, прибыл и Геббельс. К тому моменту Гитлер разглядел талант в главном партийном пропагандисте Северной Германии и принял решение бороться за его душу. Фюрер нацистов лично приехал на вокзал, чтобы встретить Геббельса, отвез в гостиницу на дорогом лимузине. Люди, которых Геббельс до сих пор называл не иначе как «мюнхенской кликой», относились к нему с подчеркнутым уважением и тепло отзывались о его работе и таланте.

В Бамберге Гитлер победил сторонников экспроприации. И пусть победа была пирровой, фюреру представилась возможность получить ценный актив — доктора Геббельса (докторскую степень Йозеф получил в 1921 году за диссертацию «Вильгельм фон Шютц как драматург»).

В конце марта фюрер написал доктору письмо — Гитлер приглашал Йозефа приехать в Мюнхен и выступить с речью. Опять лимузин, дорогая гостиница, шикарный прием. Вождь лично объявлял выступление Геббельса в «Бюргербройкеллер», пивной, откуда начался путч, и после двухчасовой речи обнял Йозефа на глазах у толпы.

Финансовый достаток, признание партийной верхушки, ревущая толпа в огромном зале — этого оказалось более чем достаточно. Теперь Геббельс целиком и полностью принадлежал фюреру. Нельзя сказать, что Гитлер убедил Йозефа, потому что в основном Геббельс убедил сам себя.

Отношения со Штрассером дали трещину. Она углубилась после назначения Грегора руководителем отдела пропаганды партии в октябре 1926-го. Обиды на фюрера Геббельс не держал, потому что через две недели после назначения Штрассера тоже получил важный пост: Йозеф стал руководителем НСДАП в Берлине.

Борьба за столицу была очень важна, а осложняла ее слабость берлинского отделения. Город и без того склонялся к социал-демократам и коммунистам, а разобщенность и кадровые недочеты в рядах нацистов лишь усугубляли проблему. Хайнц Хауэнштайн, бывший фрайкоровец, и глава берлинских СА Курт Далюге превратили столичное отделение партии в ОПГ, промышлявшую грабежами и шантажом.

КУРТ ДАЛЮГЕ, ГЛАВА БЕРЛИНСКИХ СА

Утром 7 ноября на перрон берлинского вокзала сошел человек в черном френче из альпаки и бежевом плаще. Для Геббельса битва за Берлин началась. Победой в Берлине начался его взлет, поражением в Берлине — закончилась жизнь.

Angriff!

Тогдашний Берлин был, пожалуй, самым веселым городом Европы. Кабаре, бары, бордели — праздник на руинах Германской империи не прекращался никогда. Но яркий центр окружали голодные рабочие кварталы, и в одном из них располагалась тогдашняя штаб-квартира нацистской партии.

Геббельс стартовал с места в карьер. Первое выступление состоялось уже через два часа после его прибытия в Берлин, чемоданы стояли за сценой. Единственной реакцией стала статья в одной из левых газет с заголовком «Господин Геббельс, артист, предположительно из Рура, сыграл театр одного актера под обветшалыми лозунгами». На следующий день в партии начались чистки. Геббельса шокировало положение дел в столице. Штаб-квартира партии представляла собой грязный подвал без окон, который среди партийцев прозвали «курильной опиума». Там стоял коромыслом табачный дым и постоянно пьянствовали безработные члены НСДАП. Отметки о членских взносах в бухгалтерские книги вносили по памяти. В общем-то, берлинские нацисты не имели за душой ничего, кроме долгов.

За утро первого рабочего дня Геббельс исключил из партии четыреста человек, почти половину. Активисты были в шоке, справедливо полагая, что тысяча человек — это и так уже ничто в четырехмиллионном городе. Но ставка Геббельса на качество сработала. Он избавил партию от бесполезных элементов, к тому же часто портивших ей репутацию. Выгнали в том числе и Хайнца Хауэнштайна. Трогать Курта Далюге Геббельс не посмел, без поддержки штурмовиков любой нацистский митинг в Берлине был обречен на разгон юнгштурмовцами или другими левыми боевиками. Новый

начальник пообещал партийцам, что через шесть лет их будет не шестьсот, а шестьсот тысяч. И сдержал свое слово.

Теперь перед Йозефом стояла нетривиальная задача: привлечь внимание к партии в шестьсот человек в веселом Берлине, где только ежедневных газет больше десяти. Геббельс вполне с этим справился.

11 февраля 1927 года новый вождь берлинского отделения арендовал «Фарусхалле», зал, где обычно выступали коммунисты. На фасад здания повесили огромные красные плакаты «Государству буржуазии приходит конец» и «Рабочие, судьба Германии в ваших руках». Перед митингом все шесть сотен берлинских нацистов прошли маршем по рабочему району Веддинг. Каждый нес флаг со свастикой. И хотя в самом зале коммунистов было немного, все улицы вокруг него оказались заполнены красными.

Первым слово взял Далюге. В зале встал рабочий и потребовал объявить повестку дня. В ответ Далюге метко запустил в трудящегося пивной кружкой, попав прямо в голову. На помощь к рабочему кинулись товарищи — вокруг них сразу выросло шесть штурмовиков, завязалась потасовка. Пивные кружки разбивались об головы, штурмовики избивали людей внутри «Фарусхалле» и на улице. Все это время Геббельс спокойно стоял на сцене со скрещенными на груди руками. После этого суровые парни из СА признали уродца за своего, дав ему почетное прозвище Доктор.

Когда побоище закончилось, Геббельс посвятил двухчасовую речь бойцам СА. К тому времени он уже вывел формулу успешного выступления — написанная заранее речь должна выглядеть импровизацией. На следующий день репортаж о бойне в «Фарусхалле» вышел на первых полосах всех берлинских газет. Пострадали 12 штурмовиков и 75 коммунистов. За неделю Йозеф получил 2600 заявлений о вступлении в НСДАП.

Для следующей провокации он выбрал Якоба Гольшмидта, главу Национального банка. Гольшмидт даже хотел прийти на выступление Геббельса сам, но банкира отговорили члены правления. Он послал секретаршу. Геббельс поприветствовал даму, сказав, что

завтра ее хозяин все узнает из газет. Берлинская полиция решила, что это уже слишком, деятельность партии в столице приостановили.

ЯКОБ ГОЛЬШМИДТ, ГЛАВА НАЦБАНКА ГЕРМАНИИ

Нацистская печать пестрела статьями о мужестве Геббельса, преследуемого государством. То его заковывали в кандалы, то пытались убить евреи и коммунисты. Геббельсу запретили публично выступать. Но пропаганда была его главным оружием, и выбить это оружие из рук доктора оказалось непросто. Геббельс нагнетал атмосферу страха и неуверенности через газеты, подконтрольные нацистам: пугал очередным падением экономики, возвращением безработицы и гиперинфляции.

Вскоре ему в голову пришла гениальная идея выпустить газету нового формата. Это была даже не совсем газета, а листок, где печаталось то, что Геббельс хотел бы говорить с трибуны. Вскоре родилось и название: «Angriff!», «Штурм». Подзаголовок — «За угнетаемых против угнетателей!». Для осуществления предприятия Геббельс скооперировался с Юлиусом Липпертом.

Липперт взял на себя весь менеджмент. Договорился с типографией (разумеется, в кредит), нашел бумагу (тоже в кредит) и распространителей (все в кредит), а потом попал под арест. Геббельс же придумал великолепную рекламную кампанию.

Первого июля 1927 года с каждой газетной тумбы в Берлине кричал плакат «Штурм!». Через день — «Штурм состоится 4 июля». Еще через день — «Штурм — каждый понедельник». Первый тираж — две тысячи экземпляров. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы Липперта не освободили. Вместе они смогли создать нечто жизнеспособное, перепечатывая статьи из коммунистических газет и разбавляя национальной риторикой. Фирменной фишкой «Ангрифф!» стала редакционная колонка на первой полосе за подписью «д-р. Г». Эта ярость отзывалась в сердцах голодных берлинцев, они узнавали в ней себя. Геббельс называл свое детище «печатным плакатом».

Происходящее не нравилось Грегору Штрассеру, уже имевшему нацистскую газету в Берлине. Геббельс не стал идти на открытый конфликт, а поступил хитрее:

подконтрольные ему штурмовики стали избивать газетчиков Штрассера, отбирая тиражи. Происходящее Йозеф списывал на происки коммунистов.

Вскоре Геббельс столкнулся с большой проблемой. Его газета постоянно живописала засилье евреев в департаменте полиции, объясняя, что и деятельность нацистов в Берлине приостановлена из-за семитских козней, и сам Геббельс не может поэтому выступать. Очевидное неудобство заключалось в том, что еврей в берлинской полиции нашелся только один, и его было очень сложно превратить в объект для нападок: Бернارد Вайс служил офицером во время Великой войны и получил Железный крест 1-го класса.

Но Геббельс взялся за дело. Он строчил памфлеты, карикатуристы выдавали сотни картинок. Вайс пытался судиться, но репутацию было уже не спасти. Это еще раз убедило Геббельса в том, что пропаганда должна быть примитивной. В «Ангрифф!» постоянно публиковали чушь, ужасную с точки зрения стилистики и фактологии, но берлинцам нравилась эта газета, а не колонки либеральных журналистов. Геббельс ставил себе на службу даже нападки соперников. После того как в одной из антинацистских статей его назвали «обербандитом», в Берлине появились плакаты «Сегодня с речью выступает обербандит Геббельс».

Чем успешнее становился «Ангрифф!», тем несчастнее делался Геббельс. Ему не хотелось быть примитивным. Он искреннее считал себя интеллектуалом и желал бы войти в историю на одном уровне с Гитлером и Розенбергом. Правда, работая по 18 часов в день сложно создавать что-то стоящее, поэтому Геббельс обратился к плагиату — в основном он переписывал малоизвестные эссе Артура Меллера ван ден Брука, теоретика консервативной революции, покончившего с собой в 1925 году. Именно ван ден Бруку принадлежал термин «Третий рейх», присвоенный Геббельсом, а потом и подхваченный остальными нацистами. Из ранней поэмы Эккарта Геббельс взял лозунг «Пробудись, Германия!», и это Deutschland, erwache! потом смотрело на солдат со всех нацистских знамен.

Теория Йозефу не давалась, зато лекция «Познание и пропаганда», прочитанная им для активистов НСДАП, была действительно шедевральной. В ней автор изложил принципы, которые должны использовать нацисты, и эти принципы остаются неизменными по сей день в политтехнологиях и государственной пропаганде. Геббельс говорил, что главная задача пропаганды — не развлекать, а добиваться эффекта. Цель, поставленная пропагандистом, оправдывает средства. Пропаганду Геббельс полагал высоким искусством и прививал эту мысль слушателями. В ряд пропагандистов Йозеф ставит Иисуса, Мухаммеда, Будду и Зороастра.

31 марта 1928 года прусское правительство снимает все ограничения на деятельность нацистской партии, на выступления Геббельса и Гитлера. Предстояли выборы в рейхстаг.

Несмотря на постоянную критику выборов и парламентаризма, Геббельс страстно желал быть избранным. В выступлениях он постоянно делал себя жертвой режима, способного на любую подлость, лишь бы не пропустить кандидата в парламент.

Разумеется, с реальностью это соотносилось слабо. Никто никаких препон Геббельсу не чинил, перед выборами даже сняли запрет на его публичные выступления в Берлине. Во время кампании доктор работал на износ, исколесив всю страну. В те месяцы спал он часа по два в день.

В принципе, итоги выборов оказались разгромными для нацистов: всего восемьсот тысяч голосов, из них пятьдесят тысяч в Берлине — вотчине Геббельса. Вроде бы немного, но учитывая, что два года назад в партии состояло четыре сотни маргиналов — неплохо. Теперь Геббельс — депутат рейхстага. Он представляет партию в кругу других нацистских бонз: самого фюрера, Штрассера, недавно вернувшегося из-за границы Германа Геринга и еще восьми человек.

Кадры решают все

В январе 1929-го Гитлер вновь проводит кадровые перестановки. Недавнего соперника Грегора Штрассера делает вторым человеком в партии, главой организационного департамента. А Геббельс получает то, о чем мечтал с детства — власть над умами. Доктор стал главным партийным пропагандистом, определяющим курс движения и его облик.

Однако его первые усилия направлены не вовне, а внутрь, на саму партию. Геббельс решил, что основным гарантом успеха общего дела станет принятие партийцами нового божества — фюрера. До того как партийной агитацией стал заниматься Геббельс, Гитлера принимали в качестве вождя по причинам прежде всего рациональным. Он был связующим мостом между южной частью партии, крепко связанной с бизнес-элитами и старой аристократией (тем же Обществом Туле) и северными партийцами — рабочим революционным движением. Теперь Геббельс старается показать, что без Гитлера

партия пропадет, просто потому что Гитлер, избранный неведомой высшей силой, предназначен возродить Германию.

Интересны дневниковые записи Геббельса за этот период. Его отношение к «мюнхенской шайке» всегда было противоречивым, в нем соединялось желание жить так же, как и они (то есть на широкую ногу), и ненависть (скорее всего, продиктованная невозможностью так жить). Теперь он окончательно стал одним из партийных бонз. И несмотря на восхищение талантом и активностью Геббельса, *crème de la crème* нацистской партии все равно не принимает доктора за своего. В Геббельсе попросту не видели нациста.

Укрепив партию, Геббельс начал заниматься тем, что в итоге и принесет нацистам победу. Он разработал собственную концепцию митингов. Чем был политический митинг в Веймарской Германии до доктора? Да тем же, что он представляет из себя в путинской России: какие-то не очень понятные люди в сотый раз бубнят со сцены очевидные, но абстрактные вещи. Митинги виделись политическим партиям как средство информирования населения, но выполнять эту задачу они не могли в силу ряда причин. Во-первых, митинг — это публичное мероприятие, на которое люди приходят, в прямом смысле, по объявлению на заборе. Им не объяснишь хитросплетения политических интриг, аспекты идеологии, не подашь экономическую аналитику, которая подтверждает твою правоту. Они не обладают необходимым набором компетенции. Из этого следует вторая причина.

Оратору придется упрощать. Причем упрощать, как говорится, «до талого». Здесь мы и получаем набор абстрактных, ничего не значащих фраз. Потенциальный избиратель и так знает, что экономика должна расти, урожай фруктов и ржи — повышаться, а люди — жить лучше. И у политической силы остается два варианта: пускаться в объяснения и быть не понятой, или делать сложное лицо и многозначительно намекать на существование ПЛАНА. Аудиторию это, в большинстве случаев, не особенно вдохновляет. Геббельс решил действовать по-другому. Он перестал использовать митинги для донесения информации — это роль газет. Каждый нацистский митинг должен стать великолепно срежиссированным спектаклем, произвести впечатление. «Мы говорим не ради поддержания разговора, а чтобы произвести эффект», — говорил Геббельс на школе партийных ораторов. Оратор в его системе стал главным жрецом митинга-ритуала.

Все начиналось с торжественного выноса знамен под бравурную музыку. Потом выходили дюжие штурмовики в форме — они образовывали коридор, по которому оратор сквозь толпу проходил к алтарю, трибуне. Ряд штурмовиков за ним смыкался, и боевики вставали перед сценой, символизируя собой преторианскую гвардию. Разумеется, подобная система требовала высококачественных исполнителей. Все ораторы департамента Геббельса делились на несколько групп — от их талантов зависело, на каком уровне они будут выступать. Начинали все с речей перед

партийцами, потом — деревушки и небольшие аудитории. Лучшие из лучших вводили в экстаз многотысячные толпы городов-миллионников. Чтобы убедиться в качестве не только подачи, но и контента, все речи Геббельс писал сам. За одним исключением. Фюрер был главной звездой. Как только прусское правительство возобновило деятельность нацистской партии, Геббельс снял берлинский «Дворец спорта» (это место станет для него одним из любимых, там он прочитает свою самую знаменитую речь о тотальной войне). Тысячи людей ревели от восторга, а Геббельс наблюдал из-за кулис за витийствующим фюрером. Из его дневниковых записей можно понять, что роль «серого кардинала» доставляла ему огромное удовольствие.

Еще одним направлением работы стала героизация самих нацистов. Нужно было расширять партию, и не за счет тех, кто хотел вступить «пока не поздно» ради будущих благ, а за счет идейных и деятельных людей. Для этого Геббельс начал героизировать нацистов, пытаясь придать особый ореол членству в партии. Нацисты — люди борьбы, которым всегда угрожает опасность. Но рассказы о штурмовиках обезличены, а потому — малоэффективны. Геббельсу потребовался герой.

Сначала он попытался сделать его из Ганса Кютемейера. Кютемейер воевал в Великую войну, награжден Железным крестом за храбрость. Активный член НСДАП с самого появления партии в Берлине. После очередного выступления Гитлера во «Дворце спорта» пошел отмечать удачный митинг с друзьями, а утром его обнаружили утонувшим в Ландверском канале. Полиция в качестве основной версии выдвинула несчастный случай. Геббельс отреагировал на полицейскую заметку необычайно эмоциональной статьей.

Естественно, Кютемейера убили евреи-коммунисты. Да, он выпил, а кто бы не выпил с товарищами? Он обсуждал с ними будущее величие Германии, а потом пошел домой. Тут же к пивной подъехало такси, битком набитое евреями-коммунистами. Они избili Кютемейера железными прутами, а после бросили в канал. Геббельс рассказал обо всем с подробностями, неизвестными даже берлинской полиции. Например, о времени

смерти — «Жена Кютемейера проснулась в четыре утра, чувствуя что-то неладное. Именно в этот момент жизнь героя оборвалась».

Для первого раза более чем неплохо, но все равно не взлетело, и история Кютемейера быстро забылась. А потом в перестрелке убили одного из активных членов берлинских СА Хорста Весселя.

Песнь Хорста

С Весселем Геббельс познакомился еще осенью 1926-го. Хорст не мог не выделяться в немногочисленных и нестройных рядах берлинских нацистов. Высокий, физически крепкий, душа компании, он быстро завоевал доверие гауляйтера и получил под свою команду один из отрядов штурмовиков. Группа Весселя была самой активной и постоянно устраивала уличные побоища с коммунистами. Весселю была обеспечена великолепная карьера в партии, благо помимо грубой силы он обладал еще и ораторскими способностями. Но в дело вмешался сторонний фактор.

В 1928-м Хорст познакомился с Эрной Йенике, зарабатывавшей себе на жизнь древнейшей из профессий. У молодых людей началась любовь, а Вессель, до этого нищий, стал сутенером возлюбленной. К партии и штурмовым отрядам Вессель охладел, Геббельс попытался вернуть активиста, надавив на тщеславие — в одном из номеров «Ангриф» опубликовал стихотворение Весселя «Знамена ввысь», то самое, впоследствии ставшее официальным гимном НСДАП и неофициальным гимном Рейха. Не помогло.

14 января 1930 года в квартиру Йенике и Весселя пришел Али Хелер, бывший сутенер подружки Хорста и, так уж совпало, член коммунистической партии. Ему давно не нравилась пропажа столь ценного актива — и вот наконец движимое имущество удалось выследить. Вессель, увидев Хелера, потянулся за пистолетом, но профессиональный преступник оказался проворнее, и пуля попала Весселю в рот. Вскоре Хорст Вессель скончался в больнице.

«Мертв? Рушатся стены, потолок грозит раздавить. Нет, не может быть», — это цитаты из статьи Геббельса в «Ангриф», вышедшей на следующий день после смерти Весселя. «Штурмовики — это Хорст Вессель. Где бы ни была Германия, ты будешь с нами, Хорст Вессель». Похороны убитого стали грандиозной манифестацией нацистов, у гроба Геббельс прочитал речь. Тогда же была впервые исполнена «Знамена ввысь». Песня стихла, и на кладбище воцарилось молчание. Геббельс вскинул правую руку и выкрикнул: «Хорст Вессель!». Толпа нацистов ответила ревом «Здесь!».

Али Хелер был приговорен к шести годам тюрьмы, нацистская пресса исходила ядом, комментируя процесс, Геббельс пытался скрыть неприглядную сторону истории. После прихода нацистов к власти все имевшие отношение к смерти Весселя были казнены: и Хелер с друзьями, и владелица квартиры, где он жил, и бывшая подружка. Месть? Нет, только желание окончательно скрыть факты, способные выставить Геббельса в не самом лучшем свете. Ганс Фриче впоследствии вспоминал, что доктор считал историю с Весселем одной из главных своих побед. Еще бы, из сутенера сделал героя. А что до правды — правда Геббельса не заботила.

Каток

Вскоре перед Геббельсом встала задача более глобальная, чем создание народного героя из штурмовика. Предстояло бороться с международным еврейским капиталом. До прихода к власти нацисты действовали под лозунгом «чем хуже, тем лучше». К их сожалению, сначала германскую экономику подпитывали дешевые американские кредиты «ревущих двадцатых», а потом, после биржевого кризиса и краха Уолл Стрит, американцы начали настаивать на реструктуризации немецких долгов и выплат по репарациям. Задачей Геббельса стало убедить людей в том, что это обман и на самом деле все ужасно.

План американского банкира Дэвида Юнга озвучили еще в мае 1929-го. До конца года шли переговоры с Веймарским правительством, в частности, с Ялмаром Шахтом. Правительство собиралось принять план Юнга, что в итоге благотворно сказалось бы на немецкой экономике и подняло бы престиж правящих социал-демократов. К счастью для нацистов, не они одни хотели бы видеть экономику в состоянии хаоса. Одним из таких людей был Альфред Гугенберг, генеральный директор крупновских заводов. Он стоял у истоков Немецкой национальной народной партии, владел несколькими газетами и крупнейшей немецкой киностудией УФА. Но и Гугенберг, и его сторонники оказались никудышными политиками. Понимая, что сами они с планом Юнга

ничего поделаться не могут, «стальные короли» обратились за помощью к Гитлеру.

Естественно, нацистское руководство сразу вознамерилось их кинуть.

В руки Геббельса впервые попала огромная пропагандистская машина. Он наконец-то не должен был экономить, отчитываться. Все средства, выделенные Гугенбергом, он радостно ухнул в рекламу нацистской партии. В отличие от группы отставных военных и юнкеров, составлявших руководство НННП, нацисты понимали, что затея с референдумом против плана Юнга провалится. Так, собственно, и вышло: из требуемых двадцати миллионов голосов набрали лишь чуть меньше шести. План Юнга приняли, но кампания против сослужила добрую службу нацистам — они полностью растоптали главу внешнеполитического ведомства Штреземана, что в итоге привело к очередному правительственному кризису и роспуску рейхстага. Новые выборы наметили на сентябрь 1930-го.

На первом митинге новой избирательной кампании Геббельс заявил, что партия намерена увеличить представительство в парламенте как минимум втрое, взяв сорок кресел против прежних двенадцати. Либеральная и социалистическая пресса упражнялись в остроумных комментариях: в успех нацистов, особенно такой, никто не верил. Кое-кто даже заявил, что утром 15 сентября Геббельс подавится своими словами.

После таких заявлений доктор принялся за дело с двойным энтузиазмом. Партийные агитаторы наводнили всю Германию — проникли в каждую деревушку, в каждый район каждого немецкого мегаполиса. Шесть тысяч ораторов были мобилизованы на исполнение плана, больше похожего на военную операцию, чем на предвыборную кампанию. За три месяца нацисты провели ШЕСТЬ ТЫСЯЧ митингов, распространяя более полумиллиона газет ежедневно. Каждый митинг был тщательно срежиссированным спектаклем. Где-то натягивались огромные тенты в виде флага со свастикой, где-то собрания проходили при свете факелов. Все речи Геббельс писал сам. Все репортажи о митингах Геббельс писал сам.

14 сентября 1930 года перед избирательными участками выстроились очереди. Явка оказалась беспрецедентной для Германии. По первым результатам экзитполов стало ясно — Геббельс слов на ветер не бросает, и сорок кресел нацистам обеспечены. Ночью стали поступать результаты официального подсчета. Лидеры нацистской партии как замороженные сидели у радиоприемника в квартире Геббельса и узнавали о деле рук своих: 810 000 голосов, отданных за нацистскую партию на прошлых выборах, превратились в 6 400 000. В Берлине нацисты набрали на полмиллиона голосов больше, чем в 1928-м (550 000). Нацисты получили не сорок кресел, а сто семь, за два года увеличив свое представительство в парламенте почти в десять раз. Пока члены правительства раз за разом перепроверяли отчеты о выборах в поисках возможной ошибки, берлинскую штаб-квартиру НСДАП штурмовали газетчики. Геббельс провернул очередной грамотный ход — сухо ответил репортерам, что не располагает временем

на общение с прессой, сражение, мол, только началось. В итоге о выборах и дальнейших действиях партии немцы смогли узнать лишь из нацистских газет, которые опубликовали статью Геббельса «107».

Две минуты до полуночи

Сказать, что левая интеллигенция Германии впала в шок — не сказать ничего.

От Гитлера всерьез ожидали нового путча. Однако фюрер через десять дней после выборов обратился *urbi et orbi* и поклялся оставаться в рамках конституционной законности.

Выборы изменили не только политические расклады в Германии, но и личную жизнь самого Геббельса. Последние 33 года он жил на грани бедности и нищеты, и вот, наконец, пришел достаток. Штаб гауляйтера переехал на Хедеманнштрассе, 10, в роскошное помещение. «Ангрифф» стала стабильно выходить каждый день.

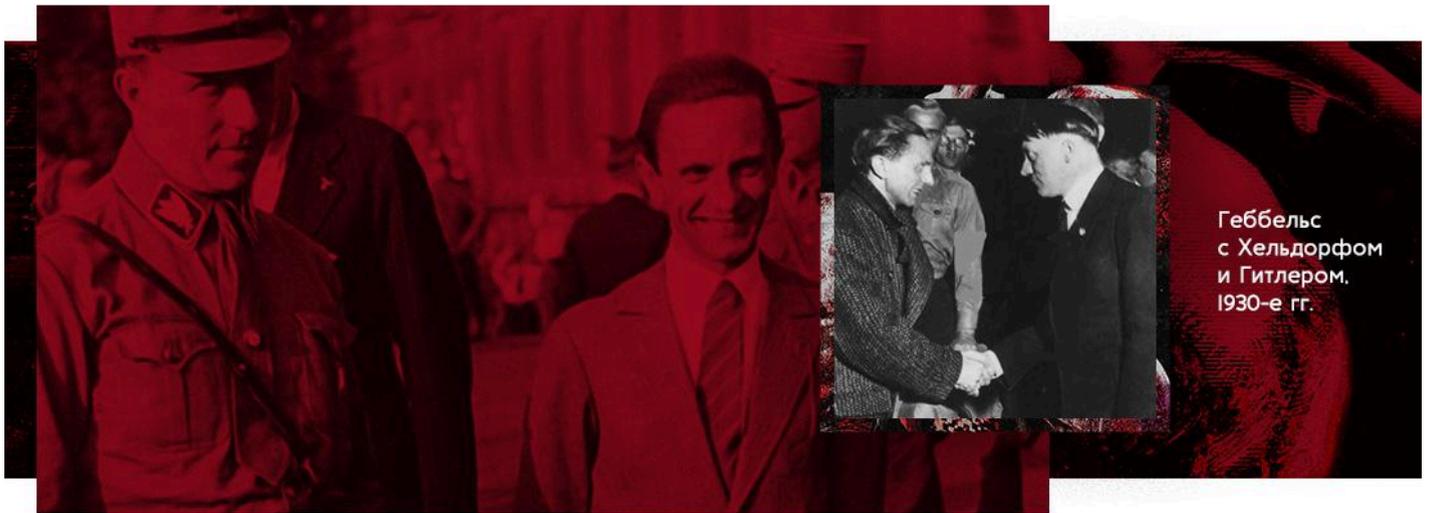
Геббельсу не приходилось унижаться перед типографиями просьбами напечатать тираж в кредит — любые суммы предоставлялись по звонку в партийное казначейство.

Но душу Йозефа все равно съедала зависть. Несмотря на весь его, Геббельса, вклад в столь грандиозный успех нацистов, «мюнхенская клика» отказывалась принимать его за своего. Да и жила получше, что уж скрывать. Геббельс ударился в показной аскетизм. И тем больше его возмутила статья в одной из левых газет, где доктора показывали изнеженным буржуа. Он даже не поленился перепечатать текст во всех нацистских газетах, снабдив едкими комментариями.

«Живет Геббельс в роскошных апартаментах в Шарлоттенбурге (апартаменты вовсе не роскошные и вовсе не в Шарлоттенбурге, а в Штеглице). Он все еще холост (единственное, что правда). Но уже ходят слухи, что вскоре он станет зятем своего однопартийца Кунце (при отсутствии у Кунце дочерей). Отношение к прекрасному полу у маленького доктора платоническое (истинно так). Городской шум не тревожит его в фешенебельных покоях из шести комнат (комнат, правда, две)».

Видно, что Геббельс очень обиделся.

Впрочем, уже вскоре его голова оказалась занята совсем другим. К открытию нового рейхстага, назначенному на 13 октября, он и новый командир столичных штурмовиков Вольф фон Хелльдорф (озорной отпрыск очень приличной семьи, кстати говоря) задумали шалость. Понимая, что взгляды страны прикованы к зданию парламента, решили сделать прибытие нового состава нацистской фракции максимально эффектным. Когда депутаты от НСДАП вступали в рейхстаг, сотни штурмовиков, для разнообразия одетых не в форму, а в гражданское, били стекла в еврейских магазинах Берлина.

Геббельс
с Хельддорфом
и Гитлером.
1930-е гг.

Это было частью новой тактики Геббельса — попадать на передовицы газет, не замешивая партию. То есть НСДАП тут вообще ни при чем, но смотрите-ка, то, о чем она говорит, и правда происходит. Одной из самых удачных подобных акций стал срыв премьеры американского фильма по роману Ремарка «На Западном фронте без перемен». Ремарк уже несколько лет был объектом нападок нацистов за свои антивоенные и просоциалистические взгляды. Да и печатался он в издательстве еврея. Саму книгу Геббельс не читал. Йозеф и не ставил перед собой цели растоптать Ремарка: он просто ругал бестселлер, что привлекало внимание людей, обычно далеких от политической публицистики.

У нацистов нашлись связи в самых неожиданных местах, так что им удалось выкупить практически все билеты. Зал заполнили штурмовики. В карманах они пронесли мышей и полицейские газовые гранаты с резким запахом, используемые для разгона демонстраций. По сигналу гранаты начали взрываться, а мыши оказались выпущены на волю. Из-за отвратительного запаха показ фильма пришлось прекратить. Арестовать кого-то за нарушение порядка у полиции тоже не получилось. Хохотал весь Берлин. Но Геббельс, конечно, смеялся последним.

10 февраля 1931-го разразился очередной парламентский кризис. Нацистские депутаты в полном составе покинули рейхстаг, распустив свою фракцию. Утративший депутатскую неприкосновенность Геббельс оказался фигурантом нескольких уголовных дел, в том числе и о попытке государственного переворота и организации еврейских погромов. Положение — хуже некуда. Йозеф не мог лгать напропалую, так как у стороны обвинения хватало свидетелей, способных уличить его в даче ложных показаний. Говорить правду — значит оказаться за решеткой. Геббельс выбрал третий путь. В зале суда он притворился невменяемым. Почтенный доктор последними словами поносил суд и прокурора, бился в конвульсиях и пускал пену изо рта, театрально закатывая глаза. Судья не выдержал и приговорил его к штрафу в двести марок за оскорбление суда. После этого Геббельса на процессы, по которым он проходил свидетелем, не вызывали.

Кризис продолжается

В марте 1930-го пост рейхсканцлера занял Генрих Брюнинг. Это был серьезный поворот в политике Веймарской республики. Власть не просто перешла от социал-демократов к консерваторам, власть перешла к человеку, который всегда подчеркивал свою оппозиционность по отношению к революционным событиям 1918 года.

Брюнинг мог бы стать действительно неплохим канцлером и войти в историю.

По крайней мере, он имел представление о том, что способно спасти Веймарскую республику. Имя этому чуду — сбалансированный бюджет. Брюнинг старался экономить на всем и секвестрировать расходы по максимуму. Это действительно способствовало оздоровлению немецкой экономики, вот только время для шоковой терапии он выбрал совсем неподходящее.

Спустя несколько месяцев Великая депрессия уже всю гуляла по Германии. Один за другим лопались банки, из относительно стабильной немецкой экономики вновь начали выводить средства. Инфляция вновь превращала сбережения в пыль. Германию захлестнуло отчаяние.

На встрече верхушки НСДАП Геббельс говорил: «Правительство действует по принципу „После нас хоть потоп“. Но они не учитывают, что после потопа будем мы». Новые заявления о вступлении в нацистскую партию писались ежечасно. К осени 1931-го ее ряды насчитывали миллион человек. Нацистская пропаганда подливала масла в костер: газеты Геббельса уверяли, что к зиме в Германии будет семь миллионов безработных, а нищета и голод достигнут масштабов военных лет. И в то же время давала надежду. Геббельс не скупился на взаимоисключающие обещания: одним он, например, говорил, что партия выбьет из всех квартирантов-должников все полагающееся, другим — что защитит их от произвола арендодателей.

Кроме этого, у нацистов появился могущественный союзник на самом верху — Ялмар Шахт, не раз удерживавший Веймарскую республику на краю пропасти. Открыто о симпатиях к НСДАП министр не объявил, но наладил тесную связь с руководством партии с прицелом на будущее, а главное, подтвердил правильность выбранной стратегии — время и кризис работают на Гитлера. Пока Германия готовилась к локальному Рагнарёку, Геббельс женился.

Магда

Магда Квандт (урожденная Берендт) была светской львицей и происходила из довольно обеспеченной семьи. У ее матери было два неудачных брака, которые, быть может, и разбили ей сердце, но принесли неплохое состояние, нажитое на разводах. Self-made woman, одним словом. В 1917 году Магда с матерью отдыхали на одном из альпийских курортов и познакомились там с преуспевающим промышленником Гюнтером Квандтом.

Ему, конечно, было уже за сорок, так что его присмотрела себе сама фрау Берендт, но Квандт обращал больше внимания на Магду. Они поженились в 1920-м. После замужества Магда вошла в высший свет германского общества, под влиянием мужа заинтересовалась политикой (герр Квандт был ярким националистом, монархистом и антисемитом), родила своему промышленнику сына. Но брак не складывался. Сказывалась разница в возрасте. Вскоре Квандт застал жену дома с молодым студентом. Студентом, кстати, был Хаим Арлозоров, в будущем видный деятель левого крыла Всемирной Сионистской Организации, убитый при загадочных обстоятельствах вскоре после прихода нацистов к власти. Разумеется, Квандт решил подавать на развод и сразу сказал Магде, что ни гроша она не получит. Но девушка проявила недюжинную хватку (видимо, сказались гены или опыт матери). Она украла из сейфа Квандта документы, которые доказывали его финансовые махинации и укрывательство от налогов. Скрипя зубами, муж согласился выделить квартиру в Берлине и ежемесячное содержание. Магда целиком погрузилась в светскую жизнь. В моду тогда входили нацисты, и в ее кругу, кругу аристократов, финансистов и промышленников, стали все чаще звучать лестные отзывы о лидерах НСДАП. Она была заинтригована. Кто-то из знакомых предложил сходить во Дворец Спорта, на выступление доктора Геббельса. Выступление заворожило Магду. Она устроилась работать секретарем в штаб-квартире НСДАП в Берлине. Как назло, внимание на даму обращали все, кроме доктора. Она уже решила бросить свою затею, а тут как раз и повод подвернулся: кто-то из подвыпивших штурмовиков предложил красавице уединиться в одном из кабинетов. Геббельс узнал о ситуации, извинился перед Магдой и убедил остаться, даже выделил личное помещение. Вскоре начал навещать ее, поначалу раз в день, потом все чаще и чаще. Темы разговоров начали переходить от политики и национал-социализма к более личным. Но дальше отношения не продвигались, Геббельс постоянно сбегал, ссылаясь на дела, и не слишком заботился о правдоподобности названных поводов. Магда все больше погружалась в пучины депрессии, а доктор попросту стеснялся девушки из высшего света. На их первом свидании в дорогом ресторане он заказал шницель просто потому, что не знал, как правильно есть дорогие блюда из меню. Этот странный флирт тянулся два года и закончился летом 1931-го: Геббельс упал перед Магдой на колени и сказал, что не может без нее жить. 19 декабря 1931 года они поженились. Свидетелем на свадьбе был Гитлер.

Свадьба Геббельса и Магды Квандт. Свидетелем на свадьбе стал Гитлер (на заднем плане на фото)

Финишная прямая

В 1932-м истекал восьмилетний президентский срок Гинденбурга. Изначально Гитлер выступал против участия в кампании — наоборот, считал, что поддержка фельдмаршала на выборах принесет наци больше политических очков. В те дни, пожалуй, из всей партийной верхушки только Геббельс придерживался иного мнения. Но доктору всегда хорошо удавалось невозможное. Он убедил баллотироваться и Гитлера, и партийных бонз. 22 февраля 1932-го берлинский Дворец Спорта буквально содрогнулся от ликующего крика толпы, когда фюрер объявил, что бросает вызов действующему рейхспрезиденту.

Кампания потребовала предельного напряжения сил. Геббельс вновь не спал сутками. На выборы ушли все средства нацистов. К вечеру 13 марта, в день голосования, доктор понял — победы не будет. Его захлестнуло отчаяние — партийная казна пуста, дело не сделано, и все из-за его советов. Объявили результаты, у Гинденбурга — 18 миллионов голосов, у Гитлера — 11. По конституции требовалась победа абсолютным большинством, иначе — второй тур. Геббельс позвонил в Мюнхен и предложил Гитлеру признать поражение: шансов на победу почти нет, деньги кончились. Но фюрер проявил решимость и волю, отказавшись прекращать борьбу. Во втором туре Гинденбург набрал 19 миллионов голосов, а Гитлер — 13. В условиях ограниченных бюджетов Геббельс показал весь свой дар пропагандиста, применяя самые нестандартные решения. Например, когда представители правительства отказались от дебатов с нацистами, Йозеф достал граммофонную пластинку с записью речи канцлера Брюнинга и устроил публичные дебаты с ней. Он периодически останавливал запись, чтобы вставить свои едкие комментарии. Публика была в восторге. На следующий день история попала во все газеты, а больше всех ее раздували противники нацистов, стремясь показать их беспринципность и глупость. Эффект получился прямо противоположный, Геббельс откомментировал: «Вся пресса

только и судачит о нашей словесной дуэли во Дворце Спорта, рассказав о ней всей Германии. До чего же тупы евреи!».

Вскоре удалось свалить Брюнинга. Геббельс попросту парализовал работу парламента, в рейхстаге каждый день кипели драки. Когда берлинский комиссар Вайс (тот самый, которого Геббельс травил в прессе сразу после переезда в Берлин) в очередной раз пришел разнимать дерущихся, доктор швырнул в него чернильницей.

Гинденбург выразил вотум недоверия Брюнингу, сказав, что тот провоцирует парламентский кризис. Первые несколько дней Геббельс ликовал: кому как не фюреру, лидеру крупнейшей парламентской партии, получившему 13 миллионов голосов на президентских выборах, отдадут канцлерский пост в такой час? Но Гинденбург назначил канцлером Франца фон Папена. 3 июня 1932 года рейхстаг снова распустили. Эту кампанию партия вела уже на последнем издыхании. Люди устали от выборов, казна опустела. Но благодаря таланту и бешеной работоспособности Геббельса нацисты одержали самую крупную победу в своей истории — 230 мандатов. После выборов доктор честно сказал Гитлеру, что это предел возможностей. Дефицит партийного бюджета составлял уже более 15 миллионов марок, еще одну кампанию Геббельс оценивал в 80–90. И это при том, что экономический кризис сильно подкосил большинство спонсоров НСДАП, снизив объемы пожертвований. «Люди уже отупели от бесконечных речей», — признавался доктор на собрании нацистского руководства. Геббельс оказался прав. Осенью 1932-го, после вотума недоверия правительству фон Папена, прошли очередные парламентские выборы. Нацисты потеряли 32 мандата. Новым канцлером стал Курт фон Шляйхер, однако и он не смог создать в рейхстаге прочную правительственную коалицию. Новые выборы назначили на весну, а Гитлер начал интриговать. Подробнее об этом вы можете прочитать в [статье](#) Антона Попова, которую нет смысла здесь пересказывать.

К концу 1932 года нацисты находились в весьма подавленном состоянии. Шляйхер плохо поддавался давлению. Перед Новым годом Геббельс уехал из Берлина в Берхтесгаден. Там его застал звонок из берлинской клиники: тяжело заболела Магда. Геббельс решил возвращаться, но город накрыла метель и все авиарейсы отменили. Из-за снегопада оказалась повреждена линия электропередач, и он даже не мог позвонить и справиться о состоянии жены. Фактически Геббельс двое суток был заперт в отеле без средств связи с внешним миром. В ситуации, когда любой другой мужчина поседел бы, доктор придумал, какой козырь может дать в руки Гитлеру.

Йозеф вспомнил, что в середине января пройдут местные выборы в Липпе, самой маленькой из земель Германии. Абсолютно не стратегический регион, остальным партиям не было до него никакого дела. Поэтому в течение двух недель Геббельс беспрепятственно обрушивал на городки и деревушки Липпе всю мощь нацистской пропагандистской машины. Благо, ввиду небольших размеров региона средств хватало.

Естественно, нацисты содержали сокрушительную победу, в сердцах их сторонников вновь загорелась вера в успех. Еще через две недели Шляйхер подал в отставку. В честь преодоления очередного парламентского кризиса нацисты устроили грандиозную манифестацию. Парад принимал рейхспрезидент Гинденбург, новый канцлер пока еще коалиционного правительства Адольф Гитлер и вся нацистская верхушка. Геббельс специально не вышел на балкон. Доктор стоял позади всех, наслаждаясь ролью серого кардинала — он искренне считал себя, а не фюрера, главным творцом победы. После прихода домой написал в дневнике: «Придя к власти, мы никогда больше ее не отдадим. Разве что нас вынесут отсюда вперед ногами». По Ундер-ден-Линден огромными колоннами шли штурмовики.

Продолжение следует

Читайте ещё больше платных статей бесплатно: <https://t.me/nopaywall>